

Иванов-Разумник

История русской общественной мысли

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И17

И17 **Иванов-Разумник**
История русской общественной мысли / Иванов-Разумник – М.: Книга по Требованию, 2025. – 139 с.

ISBN 978-5-519-86667-5

ISBN 978-5-519-86667-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Семидесятые годы.

I.

Шестидесятые годы родились подъ счастливой звѣздой: имъ суждено было быть отмѣченными величайшей соціальной реформой XIX-го вѣка. И, однако, какъ будто въ опроверженіе извѣстнаго присловія, что только «злое влымъ скончается», а «доброму началу и конецъ бываетъ добръ», — оказалось какъ разъ наоборотъ: конецъ шестидесятихъ годовъ не можетъ быть помянутъ добромъ. Вторая половина шестидесятихъ годовъ — это воистину сумбурная эпоха, это періодъ растерянности и разбросанности русской интеллигенціи, скитаніе безъ руля и безъ вѣтриль, періодъ неустановившагося равновѣсія той массы, которая образовала новые кадры русской интеллигенціи шестидесятихъ годовъ. Типичнымъ представителемъ этой эпохи былъ Писаревъ; писаревщина и нигилизмъ — главнѣйшее содержаніе исторіи русской интеллигенціи этой эпохи; ея наиболѣе очевидный результатъ — полное банкротство въ дѣлѣ разрѣшенія основныхъ проблемъ міровоззрѣнія, въ томъ числѣ и проблемы индивидуализма. Насколько двинулъ впередъ отъ Герцена рѣшеніе этой проблемы Чернышевскій, настолько же отодвинула его назадъ писаревщина, завершившая собою шестидесятые годы и вызвавшая рѣзкое противодѣйствіе семидесятихъ годовъ.

Духъ животворить, а буква мертвить. Писаревъ держался (въ 1861—1862 г.) ультра-индивидуалистическихъ воззрѣній, отрицалъ идеалъ, отрицалъ теоріи, убѣжденія — и все-таки всѣ его произведенія проникнуты духомъ жизни, каковы бы ни были ихъ взаимныя противорѣчія.

Писаревщина постаралась затушевать всё противорѣчія и строго держаться взглядовъ Писарева, но такое порабощеніе идеѣ буквѣ оказалось фатальнымъ. Чѣмъ-то гнилымъ, затхлымъ, мертвымъ вѣетъ отъ писаревщины, которая одна заслуживаетъ названія нигилизма.

Писаревщина была ультра-индивидуалистична, это было буквальное послѣдованіе первому періоду возрѣній Писарева. Жизнь есть процессъ, и только процессъ, а потому долой теоріи, долой идеалы—вотъ основное положеніе писаревщины. Отсюда слѣдовало признаніе только интересовъ личности и эгоистическая теорія самосовершенствованія: личность должна развиваться для себя, и достигнутое такимъ путемъ самосовершенствованіе само собой рѣшитъ всякій соціальный вопросъ; примать индивидуальной нравственности надъ соціальными идеалами былъ поставленъ во главу угла. Девизомъ литературы было въ то время сокращеніе всѣхъ статей общественнаго бюджета въ пользу личнаго совершенствованія мыслящаго пролетаріата—такъ характеризуетъ писаревщину одинъ изъ ея адептовъ, позже—одинъ изъ столповъ критической мысли семидесятыхъ годовъ, Михайловскій. «Какъ мнѣ жить свято?»—вотъ что было тогда центральнымъ вопросомъ въ лучшей части послѣдователей писаревщины; на этой почвѣ созданъ и типъ мыслящаго реалиста.

При дальнѣйшей эволюціи писаревщины появились «пришлые люди», не перестрадавшіе въ себѣ всѣхъ формулъ, выработанныхъ мыслящимъ пролетаріатомъ, а принявшіе ихъ догматично и обратившіе вниманіе не на духъ и смыслъ этихъ формулъ, а на ихъ букву. Жизнь есть процессъ, и только процессъ—итакъ, давайте ѣсть, пить и веселиться; долой теоріи—слѣдовательно, будемъ поступать вездѣ и всегда какъ намъ заблагоразсудится; долой идеалы—значить, не будемъ мѣшаться въ общественныя дѣла, стремясь къ соціальному идеалу, было бы лишь намъ хорошо (см. Михайловскій, собр. сочин., I, 817—819; IV, 35—41 и др.). Такъ говорили, какъ мы знаемъ, эти эпигоны писаревщины, истинные представители нигилизма во всемъ его расцвѣтѣ, истинные мѣщане радикализма, вызвавшіе снова анти-мѣщанскую реакцію семидесятыхъ годовъ. Но даже и лучшіе изъ по-

слѣдователей писаревщины, искренніе и честные люди, рѣшавшіе вопросъ о томъ, «какъ жить свято», стояли, очевидно, на ложномъ пути личнаго самосовершенствованія; лучшіе изъ нихъ поняли, наконецъ, что «этотъ путь ведетъ въ глухой переулочекъ» (Михайловскій). Съ этого совнанія начались семидесятые годы.

Семидесятые годы были реакціей писаревщинѣ и съ другой, діаметрально противоположной стороны, со стороны ея величайшаго анти-индивидуализма. Какъ это ни странно, но ультра-индивидуализмъ совмѣщался въ писаревщинѣ съ анти-индивидуализмомъ самой рѣзкой окраски. Какъ извѣстно, еще Писаревъ началъ проповѣдь въ пользу исключительнаго занятія естественными науками и дошелъ на этомъ пути до того, что рекомендовалъ Щедрина заняться популяризаціей естествознанія... Къ тому времени подоспѣлъ дарвинизмъ, и писаревщина немедленно же воспріяла эту теорію; впрочемъ, для писаревщины дарвинизмъ былъ не теоріей, а твердо установленнымъ, реальнымъ фактомъ науки.

Въ этомъ, конечно, не было бѣды, пока изъ дарвинизма не начали дѣлать этическихъ и соціологическихъ выводовъ, а дѣлать эти выводы писаревщина начала очень скоро. Первый выводъ: человекъ есть животное; это—въ сущности варьяція на тему «жизнь есть процессъ, и только процессъ»; мы уже видѣли, къ чему пришелъ нигилизмъ, развивая дальше это положеніе. Второй выводъ былъ гораздо важнѣе и гораздо опаснѣе перваго и заключался онъ въ приложеніи дарвинизма къ соціологіи: борьба за существованіе—основной законъ органическаго міра; а слабые обречены на гибель; цѣнно и важно торжество вида, индивидъ же есть величина, не заслуживающая вниманія. Все это проповѣдывалось на рубежѣ между шестидесятыми и семидесятыми годами послѣдователями писаревщины и примѣнялось буквально къ виду *homo sapiens*. И такая крайняя анти-индивидуалистическая теорія совпадала по времени съ ультра-индивидуалистической теоріей самосовершенствованія! Это было окончательнымъ слѣдствіемъ путаницы понятій конца шестидесятыхъ годовъ, и семидесятымъ годамъ предстояло разрѣшить всѣ такіа противорѣчія.

Писаревщина постаралась затупевать всё противорѣчія и строго держаться взглядовъ Писарева, но такое порабощеніе идеѣ буквѣ оказалось фатальнымъ. Чѣмъ-то гнилымъ, затхлымъ, мертвымъ вѣетъ отъ писаревщины, которая одна заслуживаетъ названія нигилизма.

Писаревщина была ультра-индивидуалистична, это было буквальное послѣдованіе первому періоду возрѣній Писарева. Жизнь есть процессъ, и только процессъ, а потому долой теоріи, долой идеалы—вотъ основное положеніе писаревщины. Отсюда слѣдовало признаніе только интересовъ личности и эгоистическая теорія самосовершенствованія: личность должна развиваться для себя, и достигнутое такимъ путемъ самосовершенствованіе само собой рѣшитъ всякій соціальный вопросъ; примать индивидуальной нравственности надъ соціальными идеалами былъ поставленъ во главу угла. Девизомъ литературы было въ то время сокращеніе всѣхъ статей общественнаго бюджета въ пользу личнаго совершенствованія мыслящаго пролетаріата—такъ характеризуетъ писаревщину одинъ изъ ея адептовъ, позже—одинъ изъ столповъ критической мысли семидесятыхъ годовъ, Михайловскій. «Какъ мнѣ жить свято?»—вотъ что было тогда центральнымъ вопросомъ въ лучшей части послѣдователей писаревщины; на этой почвѣ созданъ и типъ мыслящаго реалиста.

При дальнѣйшей эволюціи писаревщины появились «пришлые люди», не перестрадавшіе въ себѣ всѣхъ формулъ, выработанныхъ мыслящимъ пролетаріатомъ, а принявшіе ихъ догматично и обратившіе вниманіе не на духъ и смыслъ этихъ формулъ, а на ихъ букву. Жизнь есть процессъ, и только процессъ—итакъ, давайте ѣсть, пить и веселиться; долой теоріи—слѣдовательно, будемъ поступать вездѣ и всегда какъ намъ заблагоразсудится; долой идеалы—значить, не будемъ мѣшаться въ общественныя дѣла, стремясь къ соціальному идеалу, было бы лишь намъ хорошо (см. Михайловскій, собр. сочин., I, 817—819; IV, 35—41 и др.). Такъ говорили, какъ мы знаемъ, эти эпигоны писаревщины, истинные представители нигилизма во всемъ его расцвѣтѣ, истинные мѣщане радикализма, вызвавшіе снова анти-мѣщанскую реакцію семидесятыхъ годовъ. Но даже и лучшіе изъ по-

слѣдователей писаревщины, искренніе и честные люди, рѣшавшіе вопросъ о томъ, «какъ жить свято», стояли, очевидно, на ложномъ пути личнаго самосовершенствованія; лучшіе изъ нихъ поняли, наконецъ, что «этотъ путь ведетъ въ глухой переулочекъ» (Михайловскій). Съ этого сознанія начались семидесятые годы.

Семидесятые годы были реакціей писаревщинѣ и съ другой, діаметрально противоположной стороны, со стороны ея величайшаго анти-индивидуализма. Какъ это ни странно, но ультра-индивидуализмъ совмѣщался въ писаревщинѣ съ анти-индивидуализмомъ самой рѣзкой окраски. Какъ извѣстно, еще Писаревъ началъ проповѣдь въ пользу исключительнаго занятія естественными науками и дошелъ на этомъ пути до того, что рекомендовалъ Щедрину заняться популяризацией естествознанія... Къ тому времени подоспѣлъ дарвинизмъ, и писаревщина немедленно же воспріяла эту теорію; впрочемъ, для писаревщины дарвинизмъ былъ не теоріей, а твердо установленнымъ, реальнымъ фактомъ науки.

Въ этомъ, конечно, не было бѣды, пока изъ дарвинизма не начали дѣлать этическихъ и соціологическихъ выводовъ, а дѣлать эти выводы писаревщина начала очень скоро. Первый выводъ: человекъ есть животное; это—въ сущности варьяція на тему «жизнь есть процессъ, и только процессъ»; мы уже видѣли, къ чему пришелъ нигилизмъ, развивая дальше это положеніе. Второй выводъ былъ гораздо важнѣе и гораздо опаснѣе перваго и заключался онъ въ приложеніи дарвинизма къ соціологіи: борьба за существованіе—основной законъ органическаго міра; а слабые обречены на погибель; цѣнно и важно торжество вида, индивидъ же есть величина, не заслуживающая вниманія. Все это проповѣдывалось на рубежѣ между шестидесятыми и семидесятыми годами послѣдователями писаревщины и примѣнялось буквально къ виду *homo sapiens*. И такая крайняя анти-индивидуалистическая теорія совпадала по времени съ ультра-индивидуалистической теоріей самосовершенствованія! Это было окончательнымъ слѣдствіемъ путаницы понятій конца шестидесятыхъ годовъ, и семидесятымъ годамъ предстояло разрѣшить всѣ такіа противорѣчія.

II.

Въ общемъ, несмотря на индивидуализмъ Писарева и ультра-индивидуализмъ писаревщины, главнымъ признаніемъ въ то время пользовались анти-индивидуалистическія стороны теоріи. Имя Писарева было связано съ теоріей «общей пользы» и съ разрушеніемъ эстетики; писаревщина въ своей «кружковщинѣ» проповѣдывала самосовершенствованіе, а въ литературѣ выступала съ проповѣдью приложенія началъ дарвинизма къ социологіи; знаменитый въ то время alter ego Писарева, В. Зайцевъ доказывалъ, что прогрессъ характеризуется убываніемъ вѣса и значенія личности и нарастаніемъ вѣса и значенія массъ (см. «Русское Слово» 1865 г., № 1, стр. 77; положеніе Зайцева заимствовано имъ у Дж.-Ст. Милля). Общее впечатлѣніе оставалось поэтому такое, какъ будто главной цѣлью этихъ теорій было возвеличеніе «человѣка» въ ущербъ «личности»; особенно чувствовали это бывшие сподвижники Бѣлинскаго и Герцена, вѣрные рыцари индивидуализма. Въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ это особенно ясно выразилъ Кавелинъ, съ которымъ намъ приходится встрѣтиться въ третій и послѣдній разъ.

Убѣжденный индивидуалистъ, талантливый авторъ «Взгляда на юридическій бытъ древней Россіи» выступилъ на этотъ разъ съ «Задачами психологіи» (1872). Мы не можемъ останавливаться на подробностяхъ и частностяхъ этой спеціальной работы, но Кавелинъ самъ выразилъ ея основную мысль въ предисловіи и въ посвященіи памяти Грановскаго. Именно, Кавелинъ указываетъ, что цѣль этой его работы—та же самая, что и его статья 1847 г. о бытѣ древней Россіи: тамъ онъ указывалъ на юридическое и политическое ничтожество у насъ личности, здѣсь указываетъ на нравственное ея ничтожество, происходящее отъ ошибочнаго пониманія психической жизни индивидуума и невѣрнаго отношенія къ внѣшнему, міру. Эпоху конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ Кавелинъ называетъ «нравственно растлѣнной» (очевидно, рѣчь идетъ о писаревщинѣ и нигилизмѣ), а причину этого растлѣнія видитъ въ томъ, что «весь интересъ мысли перенесенъ въ наше время съ индивидуальности на обще-

ство; лицо отодвинуто съ перваго плава на послѣдній... Характеръ и направленіе современныхъ воззрѣній не только выражаютъ ничтожество лица, но и возводятъ его въ принципъ, въ теорію»... (этими словами Кавелинъ намекаетъ на увлеченіе Дарвиномъ, а еще ранѣе того — Боклемъ). Такое оскудѣніе индивидуальности ведетъ за собой прежде всего упадокъ философіи — «умозрѣніе — бранное слово», — отрицаніе свободы воли, детерминизмъ (впрочемъ, Кавелинъ смѣшиваетъ его съ фатализмомъ). А все это, въ свою очередь, приводитъ къ тому, что «личность, какъ нравственный дѣятель, сходить, если уже не сошла, со сцены». Единственный исходъ Кавелинъ видитъ въ интенсивномъ развитіи философіи и психологіи: это поставитъ индивидуальность опять въ центрѣ міра, ибо всѣ увидятъ и вспомнятъ, что «безъ психической жизни нѣтъ науки, нѣтъ и личности; знаніе возникаетъ изъ человѣка, въ немъ и для него существуетъ». Въ этомъ и «Задачи психологіи», поставленныя себѣ Кавелинымъ (Собр. сочин., III, 375, 379, 383, 385, 388, 613 и др.). Небезынтересно будетъ прибавить къ этому, что исконный противникъ Кавелина, Ю. Самаринъ, вполне согласился съ такой, по его выраженію, теоріей «оскудѣнія или исхуданія личности», хотя и оговорился, что, по его мнѣнію, Кавелинъ вмѣсто рецепта предлагаетъ отраву — абсолютныя нормы философіи; здѣсь Ю. Самаринъ не безъ ироніи намекаетъ на то, что эти абсолютныя нормы Кавелинъ отрицалъ въ спорѣ съ нимъ въ 1847 г.

Какъ бы то ни было, но семидесятымъ годамъ предстояла трудная задача разобратъся во всѣхъ противорѣчіяхъ шестидесятниковъ и ихъ эпигоновъ въ родѣ писаревцевъ. Экономическія воззрѣнія Чернышевскаго и его соціальныя теоріи — съ одной стороны; разрушеніе эстетики Писаревымъ и его очевидныя симпатіи къ личности — съ другой; затѣмъ теоріи самосовершенствованія и вопросы о томъ, «какъ жить свято» писаревцевъ; наконецъ, ихъ же стремленіе переложить дарвинизмъ въ соціологію и окончательно подчинить интересы индивида благу вида — вотъ въ короткой схемѣ весь тотъ сложный узелъ вопросовъ, который надо было распутать семидесятымъ годамъ. Узелъ этотъ отчасти распуталъ, отчасти разрубилъ одинъ нѣзъ

замѣчательнѣйшихъ семидесятниковъ, талантливѣйшій пре-
омникъ публицистовъ шестидесятыхъ годовъ, Михайловскій.
О немъ рѣчь будетъ ниже; теперь мы только въ общихъ
чертахъ остановимся на томъ, какъ разрѣшили семидеся-
тые годы рядъ вопросовъ, поставленныхъ предыдущимъ
десятилѣтіемъ.

Прежде всего семидесятники свергли съ себя иго пи-
саревщины и возстановили въ прежнемъ значеніи старыя
слова: убѣжденія, теоріи, идеалы. Долой теоріи и идеалы!—
упорно повторяли писаревцы; «читатель, зажмите ротъ
тому, кто вамъ говоритъ это!»—такъ отвѣтили семидесят-
ники (Михайловскій, I, 644) и доказали, что безъ проч-
наго тесретического базиса нѣтъ возможности плодотворно
«дѣлать дѣло». Прежде и впереди всего должно ставить
цѣльную, гармоническую теорію, разработанное міровозрѣ-
ніе, безъ котораго вы запутаетесь въ самыхъ несложныхъ
практическихъ вопросахъ; «добывайте же себѣ этотъ ба-
зисъ, добывайте во что бы то ни стало и прежде всего»
(Ibid.); А изъ такого признанія теорія неизбежно вытекала
и необходимость цѣли, «общаго идеала»: только идеаль
можетъ дать обоснованіе реальному и плодотворному труду.
Писаревщина, отрицая цѣль и идеалы, вмѣсто нихъ пре-
клонилась предъ идолами, и этими идолами для нея были
тѣ узкія формулы и девизы, которые она возвела въ
принципы и которымъ слѣдовала буквально.

Возстановивъ значеніе теоріи и идеала, семидесятники
направили свои удары противъ теоріи самосовершенство-
ванія, которая безсильна разрѣшить вопросъ о личности
и обществѣ, являясь только ультра-индивидуалистическимъ
мѣщанствомъ. Стремленіе къ личному совершенству—и
это доказали семидесятники — никоимъ образомъ не въ
состояніи разрѣшить вопросъ о голодныхъ и раздѣтыхъ,
и не такимъ путемъ можно уплатить народу тотъ долгъ,
о которомъ говорилъ еще Писаревъ (въ «Реалистахъ»).
Признаніе этого долга—это основная мысль шестидесятыхъ
годовъ; попытка отыскать способъ выплатить его — въ
этомъ вся задача, въ этомъ узелъ вопроса. Семидесятники
разрубили этотъ узелъ, *отождествивъ интересы личности
и народа*; впоследствии намъ придется подробно остановиться
на этой формулѣ которая одновременно и высоко ставила

личность и признавала права общества: въ этой формулѣ — наиболѣе законченная, наиболѣе замѣчательная попытка рѣшенія проблемы индивидуализма во всей русской литературѣ XIX вѣка. «Мы, интеллигенція, — говорили семидесятники, — представители индивидуализма, народъ — представитель коллективизма. Мы изображаемъ собою личное Я, народъ — Я общественное. Въ сущности два полюса противоположныхъ міровоззрѣній, которые должны быть изслѣдованы, изучены, установлены и затѣмъ соглашены, какъ общій, основной и единый руководящій общественный принципъ» (Шелгуновъ, «Новый отвѣтъ на старый вопросъ», 1868 г.). Приведенная выше формула, данная Михайловскимъ, и есть именно попытка такого синтеза и соглашения, попытка въ своемъ родѣ единственная и, во всякомъ случаѣ, не заимствованная изъ европейской соціологической литературы.

При этой попыткѣ синтеза семидесятники одинаково сурово отнеслись и къ ультра-индивидуализму теоріи самосовершенствованія, и къ анти-индивидуализму соціологическихъ обобщеній дарвинизма. Какимъ образомъ писаревщина могла соединять въ себѣ эти два противорѣчія — было объяснено тѣми же семидесятниками (см., напр., Михайловскій, IV, 63 и сл.): у писаревцевъ умъ былъ не въ ладу съ сердцемъ. Доводы соціологическаго дарвинизма казались имъ неопровержимыми, а внутреннее чувство тянуло ихъ къ личному совершенствованію и къ признанію верховенства личности надъ обществомъ. Нанеся ударъ теоріи самосовершенствованія, семидесятники не оставили въ сторонѣ соціологическій дарвинизмъ: мы увидимъ, какъ Михайловскій направилъ всѣ удары на эту крайне анти-индивидуалистическую теорію.

Еще два слова объ отношеніи семидесятыхъ годовъ къ эстетикѣ и мы закончимъ общій очеркъ главныхъ теченій, возстановившихъ забытыя слова и старые идеалы. Семидесятники поняли, что разрушать эстетику значитъ подавлять личность, не принося пользы обществу, и намѣренно создавать между человекомъ и личностью искусственныя препятствія и противорѣчія. «Да и зачѣмъ тутъ противорѣчіе? Развѣ нельзя служить истинѣ и справедливости и въ то же время любоваться красотой звѣздъ и

цвѣтовъ, искать женской ласки? *«Пусть все живое живетъ и пусть во всю живетъ»* (Михайловскій, VI, 616). Въ подчеркнутыхъ словахъ — девизъ семидесятниковъ, одна изъ главныхъ сторонъ ихъ міровоззрѣнія — ихъ убѣжденный, яркій индивидуализмъ, неизбѣжно заставившій ихъ признать законность, болѣе того — желательность и необходимость эстетики вообще. Какъ они относились къ искусству, главнымъ образомъ чистому искусству, — это уже другой вопросъ; пока важно то, что они разрушили послѣдняго идола, поставленнаго шестидесятниками, и вновь возстановили эстетику въ ея значеніи.

Таково было въ самыхъ общихъ чертахъ міровоззрѣніе семидесятыхъ годовъ, на которомъ мы остановимся особенно подробно; но прежде чѣмъ перейти къ нему, мы сперва коснемся внѣшней стороны исторіи русской интеллигенціи семидесятыхъ годовъ, поскольку это намъ необходимо для дальнѣйшаго изученія исторіи русской общественной мысли.

III.

Реакціонная правительственная политика второй половины шестидесятыхъ годовъ получила первое предостереженіе 4 апрѣля 1866 года (выстрѣлъ Каракозова); этотъ выстрѣлъ и послѣдовавшій въ отвѣтъ на него знаменитый рескриптъ отъ 13 мая того же года ознаменовали собой поворотный пунктъ и въ общественной, и въ правительственной тактикѣ. Правительство рѣшительно и безповоротно вступило на путь репрессій и борьбы пушками противъ идей; общество окончательно убѣдилось въ безпочвенности всякихъ благонамѣренно-либеральныхъ мечтаній и не менѣе рѣшительно вступило на путь борьбы идеями противъ пушекъ. Недоставало только общепризнаннаго знамени, которое бы сплотило вокругъ себя одушевленные желаніемъ побѣды массы русской интеллигенціи; вскорѣ такое знамя явилось, и мы увидимъ, что знаменосцемъ былъ Лавровъ, но это случилось уже около 1870 года; одновременно съѣтимъ другое знамя поднятъ Бакунинъ, — и первая половина семидесятыхъ годовъ (приблизительно до 1878 г.) ознаменовалась работой бакунистовъ и лавристовъ.